

А. К. КИРИЛЛОВ

**НАЛОГОВЫЕ БАТАЛИИ
ВНУТРИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ:
МУРИНСКИЙ РАСКЛАДОЧНЫЙ ПРИГОВОР
1904 года****

Парадокс массовых документов – их избытие (так затрудняющее их освоение) и одновременно их недостаточность (скудость интересных сведений). Традиционный путь решения этой проблемы – статистическая обработка, сведение каждого документа к немногим показателям. В этой статье мне хочется дать пример противоположного подхода: внимательного вчитывания в один отдельно взятый документ. Документ, взятый для этой цели, редок в своём отклонении от стандарта. Тем не менее это документ, созданный обычными крестьянами в процессе исполнения рутинной обязанности; он принадлежит к категории массовых. Но его внимательное изучение выводит нас на основополагающие явления российской жизни в эпоху потрясений начала XX в. Муринский раскладочный приговор интересен и как гимнастика для ума: истинный его смысл прямо противоположен тому объяснению, которое напрашивается при беглом прочтении.

Крестьянские «приговоры» (постановления сельских и волостных сходов) в целом хорошо известны историкам. Классик отечественного источниковедения Б. Г. Литвак в известной монографии конца 1970-х гг. весьма оптимистично оценил сохранность крестьянских приговоров конца XIX – начала XX в. и возможности их статистической обработки историками¹. Признанный мастер использования статистических методов И. Д. Ковальченко, будучи уже членкором, одному из своих аспирантов поручил

** Выполнено в рамках проекта FWZM-2024-0007 «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)».

Эта работа не могла бы состояться без великодушной помощи Анастасии Геннадьевны Караваевой и руководимого ею коллектива Государственного архива Томской области.

¹ *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 259–261.

изучение крестьянских приговоров как источника по истории крестьянской общины. Так появилась диссертация Г. А. Алексейченко (и целых два её автореферата)² и статья того же автора в престижном журнале «История СССР»³. Аспиранту пришлось разочаровать старших товарищей: выяснилось, что приговоры сохранились лишь фрагментарно, и использование их возможно главным образом за счёт штучной работы с наиболее интересными экземплярами. В частности, Г. А. Алексейченко нашёл среди просмотренных им приговоров три документа, в которых несогласные с решением представители меньшинства при подписании приговора прямо оговорили своё несогласие. Г. А. Алексейченко, таким образом, подошёл вплотную к тому, чтобы борьбу на сходе изучать при помощи крестьянских приговоров.

Независимо от столичных историков крестьянские приговоры изучали и сибиряки. Классик отечественного крестьяноведения М. М. Громыко выдвинула наиболее обстоятельные суждения о крестьянской общине именно в сибирский период своей жизни, на сибирских материалах (в основном они касаются первой половины XIX в.)⁴. Попытки источниковедческой характеристики крестьянских приговоров принадлежат её ученице Н. А. Миненко⁵, а также Л. В. Котович⁶ – ученице Е. И. Соловьёвой. Попытки эти не вышли за рамки беглого знакомства. «В приговорах сельских сходов формулировалось готовое решение. Как это решение зрело, каким образом был достигнут компромисс и насколько он отражал интересы большинства членов сельского общества – на эти вопросы приговоры сельских сходов ответа не дают» – с разочарованием подытожила Л. В. Котович⁷. Сегодня у нас есть возможность пересмотреть этот вывод.

---

² *Алексейченко Г. А.* Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины второй половины XIX века (По материалам Тверской губернии): Автореф. дис. ... к.и.н. (07.00.00). М., 1985. 20 с.; *Алексейченко Г. А.* Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины второй половины XIX века (По материалам Тверской губернии): Автореф. дис. ... к.и.н. (07.00.09). М., 1988. 16 с.

³ *Алексейченко Г. А.* Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины России второй половины XIX в.: по материалам Тверской губернии // *История СССР*, 1981. № 6. С. 116–125.

⁴ *Громыко М. М.* Территориальная община Сибири (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) // *Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.* Новосибирск, 1977. С. 33–103

⁵ *Миненко Н. А.* Массовая документация крестьянских общин как исторический источник (по материалам Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.) // *Массовые источники по истории Сибири: Бахрушинские чтения 1989 г.: Межвуз. сб. науч. тр.* Новосибирск, 1989. С. 55–67.

⁶ *Котович Л. В.* Приговоры сельских сходов как источник изучения сельских обществ Сибири периода капитализма // *Источники по истории освоения Сибири в период капитализма.* Новосибирск, 1989. С. 80–91.

⁷ *Котович Л. В.* Приговоры сельских сходов как источник изучения сельских обществ Сибири периода капитализма // *Источники по истории освоения Сибири в период капитализма.* Новосибирск, 1989. С. 90.

Крестьянские приговоры довольно разнообразны по тематике. Тематическое различие – то, от чего зависит разная степень привлекательности разных групп крестьянских приговоров в глазах историка. Первостепенное внимание исследователей привлекают чрезвычайные приговоры революционной эпохи с требованиями переустройства жизни⁸. Но гораздо более многочисленны приговоры регулярные, и потому интересно именно в них открыть что-то ценное для понимания крестьянской жизни.

С этой точки зрения особенно интересны приговоры раскладочные, касавшихся распределения («раскладки») крестьянских налогов между членами крестьянской общины («сельского общества», как это называлось официально). Само появление этого типа документов связано с тем, что даже в эпоху подушной подати твёрдая сумма налога, с точностью до копейки, была лишь расчётной величиной. Умноженная на число душ мужского пола, она давала сумму, подлежащую взысканию с общины. Распределение этой суммы между отдельными плательщиками относилось к ведению сельского схода⁹. И знаменитая круговая порука создавала хороший стимул для того, чтобы сход придерживался разумной справедливости: ведь если бедный не уплатит порученную ему сумму, отвечать придётся всем. После отмены круговой поруки в 1903 г. (для Сибири – в 1906 г.) система гарантии поступления налогов стала более тонкой, но в любом случае раскладка податей оставалась таким решением, за которое всем участникам его принятия придётся платить (в буквальном смысле слова), и это создавало основу для острых столкновений, настойчивой борьбы на сходе. Как правило, эта борьба не отражается в приговоре: чиновникам не важно было знать, какие мнения высказывались; важно, какое победило. Но в некоторых случаях кипение страстей прорывалось в протокол, порождая бесценные для историков сообщения о предложениях тех, кто остался в меньшинстве.

Ещё одна многообещающая для исследователя особенность раскладочных приговоров – то, что они должны были сопровождаться раскладочными перечнями. В самом приговоре заявлялся общий принцип (например, по рублю с коровы и с лошади, по два – с пахотной десятины), а в перечне для каждого плательщика указывалось количество значимых признаков и следующая с него сумма налога. Сохранность раскладочных приговоров вообще невысока: подавляющее большинство этих документов, ежегодно по всей стране составлявшихся десятками тысяч, погибло. Но те, что сохранились, зачастую дошли до нас вместе с раскладочными

---

⁸ Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг.: Сб. док. / Авт.-сост.: Л. Т. Сенчакова. М., 2000. 413 с.; *Иванов А. А.* Аграрная революция в России в документах сельского схода (проблемы археографии) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIX. 2005. С. 471–502.

⁹ *Марискин О. И.* Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX в. (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004. 237 с.

перечнями. И это позволяет в тех случаях, когда подписи большинства и меньшинства показаны раздельно, сравнить материальное положение боющихся по разные стороны баррикады.

Именно такой приём был использован при изучении приговоров селения с необычным названием Ущерпское (Семилужная волость, недалеко от г. Томска)¹⁰. Здесь в 1906 и 1907 гг. борьба партий дошла до письменного отказа меньшинства соблюдать раскладку по скоту, одобренную большинством. Изучение раскладочного перечня подтвердило довольно очевидную догадку о том, что протестанты, требовавшие раскладывать по годным работникам, были в основном зажиточными. Попутно обнаружались неожиданные осложнения: присутствие в числе протестующих некоторых бедняков (вероятно, по причине родственных связей либо материальной зависимости) и отсутствие тех, кто имел больше всего скота (для них разница между двумя способами раскладки была невелика с учётом численности их семейств). Ущерпский эпизод описан достаточно обстоятельно, здесь достаточно лишь этого краткого напоминания. Но были и другие подобные случаи.

В архивных фондах одного из податных инспекторов Томской губ. и Томской казённой палаты сохранилось более полутора тысяч раскладочных приговоров по отдельным волостям Томского уезда за различные годы с 1899 по 1908. Иногда налоги, причитающиеся с одного селения за один год, раскладывались не одним приговором, а двумя или даже четырьмя (казённые отдельно от мирских, волостные отдельно от сельских, первое полугодие независимо от второго); с учётом этого число годовых комплектов (полных и неполных) по разным селениям можно оценить числом не менее полутысячи. Не более одного процента из них содержит открытые сведения о борьбе на сходе.

К числу таких относятся и приговоры Алексеевского общества Бургинской волости о раскладке сбора на земскую гоньбу (он же – ямской сбор) за 1906 и 1907 гг. (раскладочные перечни здесь не сохранились)¹¹. Что интересно: под приговором 1906 г. мы видим две колонки подписей. Большинство в 36 человек решило так: половину денег разложить на 150 годных работников, вторую половину – на скот. Ещё 23 подписи в другой колонке предваряются заголовком: «несогла[си]вшие в расположке сего приговора на работников и скота и соглашались только на скота». Даже без раскладочного перечня ясно, что отвергнутая система раскладки была бы выгодна более бедным плательщикам. Налицо, значит, борьба между бедными и богатыми.

---

¹⁰ *Кириллов А. К.* От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2017. С. 150.

¹¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 192. Л. 8–8 об. (1906 г.), ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 214. Л. 29–29 об. (1907 г.).

Казалось бы, это то же самое, что мы уже видели на примере Ущерпского. И всё-таки благодаря этой новой находке единичный до сих пор случай превращается в регулярное (хотя и редкое) явление. Значит, есть шанс при дальнейших поисках существенно расширить круг подобных находок.

Кое-что на тему этой борьбы можно извлечь и из сопоставления двух алексеевских раскладок за соседние годы. В следующем году (1907), при том же старосте, тот же сбор был в Алексеевском разложен уже не на 150 годных работников, а на 320 душ, «получающих земельный надел». Поскольку по численности «земельные души» 1907 г. более чем вдвое превосходят годных работников 1906 г., надо думать, что в число земельных душ включались и малолетние дети, и значит, соотношение раскладки с зажиточностью стало ещё слабее, чем было в 1906 г. Значит, богачам удалось не только не уступить прошлогодние позиции (которые ожесточённо оспаривались), но и перетянуть одеяло на себя ещё больше. Но проигравшие уже не протестовали, обособления подписей меньшинства мы в приговоре 1907 г. уже не найдём. Очевидно, крах прошлогодних надежд убедил их в бесполезности подобного демарша. Вот почему так редки подобные приговоры.

Ещё один раритетный раскладочный приговор происходит из селения Ново-Троицкого (Ново-Кусковской волости)¹². В приговоре от 2 марта 1907 г. мы видим не только две группы подписей в конце («на сей приговор согласные» и «несогласные на приговор»), но и, что ещё более необычно, изложение споров в самом тексте приговора: «При начале раскладки сельский сход разбился на две партии, одна говорила всю сумму разделить по-прежнему на водворённые души с отчислением по-прежнему части суммы на озимые посевы; другая же настаивала всю сумму разделять на землю и другие занятия и на рабочие души, то есть раскладку сделать вовсе по-новому». Дело решилось голосованием: 52 против 44 за то, чтобы делать раскладку по-прежнему. В результате четыре пятых суммы было разложено на водворённые души, и лишь одна пятая – на посевы. Не вдаваясь в подробный разбор раскладочного перечня, достаточно сказать, что на 151 плательщика в этом перечне приходится 327 водворённых душ, 300 душ наличных и 190 годных работников. И здесь, таким образом, торжествовал критерий наиболее далёкий от учёта платёжеспособности крестьян. Бедняки вновь проиграли.

Все перечисленные раскладочные приговоры имеют самостоятельную ценность как исторические источники. Но в данном случае они обеспечили нам предварительное знакомство с темой, без которого мы бы не смогли правильно понять документ, название которого включено в заглавие статьи. Это приговор Мурунского сельского общества Богородской

---

¹² ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 213. Л. 307, 308, 310–311 об.

волости Томского уезда от 13 марта 1904 г.¹³ – самый яркий из известных на сегодня приговоров, запечатлевших налоговые баталии крестьян на сходах. Документ этот уже опубликован в учебных целях¹⁴, и смысл его пересказан в одной из монографий по налоговой тематике¹⁵, но способ извлечения этого смысла, противоречащего формальной логике документа, не раскрыт. Исправим это упущение.

Итак: собравшись на сход, муринские домохозяева «обсуждали порядок и способ раскладки» налогов, «и по довольному рассуждению, хотя бы и следовало казенные подати расположить отдельно от волостных и сельских повинностей, но так как некоторые домохозяева, если расположить казенную подать на имущества, останутся почти не в чем, а потому приговорили: следующие с нас <...> 546 руб. 81 1/4 к. расположить следующим порядком, первоначально на число душ <...> 195 руб., остальную же сумму расположить на наше занятие, как то на засеянные хлебов десятины, рабочие лошади и крупный рогатый скот по равной части, по счету[:] десятин 148, лошадей 114, рогатого скота 161, а всего 423, причитается по 83 1/4 к. – 352 руб. 14 3/4 к.».

Мы не найдём здесь отдельных перечней согласных и несогласных: муринское меньшинство не пыталось бунтовать. Зато в приведённых строках мы имеем описание того спора, который произошёл на сходе. Но понять его не так-то просто: кто с кем боролся, и кто победил на муринском сходе?

Бросаются в глаза слова, которые, как будто, дают простой ответ на этот вопрос: если сделать так, как кем-то предлагалось («следовало бы»), то некоторые «останутся почти не в чем». Этим неуклюжим высказыванием писарь, вероятно, пытался перевести на язык официальных документов народное выражение «остаться без штанов» – разориться совершенно. Как бы ни были неприятны налоги богатому крестьянину, они всё-таки не оставят его «без штанов». Ясно, значит, что остаться почти ни в чём – это вероятная перспектива для бедняков. Следовательно, напрашивается такое объяснение муринского приговора: сход позаботился о бедняках и принял более щадящую для них схему обложения.

Но для большей достоверности этого вывода полезно было бы его просчитать: определить, какую выгоду получили бедняки от изменения системы раскладки. Мы можем это сделать за счёт того, что в приговоре есть не только общая сумма податей, но и разбивка по статьям: государственной оброчной подати – 300 руб., губернского земского сбора – 94 руб., волостных повинностей – 113,19 руб., сельских повинностей – 39,6225 руб.

¹³ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 173. Л. 211–211 об.

¹⁴ Документальные задачи по российской истории / Авторы-составители: Демидова Л. Д., Кириллов А. К. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 109–112. URL: <https://zadachi.al-kir.ru/task22.html> (дата доступа: 15.07.2025).

¹⁵ Кириллов А. К. От подушной подати к подоходному налогу... С. 159–160.

(сельские «повинности», т. е. сборы, были посчитаны с точностью до четверти копейки, что соответствует номиналу самой мелкой монетки – полушки).

Как эти деньги были бы распределены в случае воплощения отклонённого варианта? Чтобы понять это, надо прежде всего знать, что казёнными податями сибирские крестьяне в обиходе именовали государственную оброчную подать и губернский земский сбор. Согласно отвергнутой схеме, казённые подати (300 руб. + 94 руб. = 394 руб.) следовало распределить «отдельно» – на иных основаниях, чем мирские налоги (113 руб. волостных + 40 руб. сельских = 153 руб.; копейки округлим, чтобы не загромождать объяснение). Итак, всю сумму налогов «следовало бы» распределить на две весьма неравные части: 394 руб. и 153 руб.

Теперь надо понять, какую из этих двух сумм распределять по душам, а какие – «на занятие» (именно таковы, как мы видели, были два главных основания, использованных на самом деле). Выудить объяснение этому можно из уже известного нам писарского выражения, в котором недоговорённого больше, чем сказанного, но всё-таки есть и основа, за которую можно ухватиться: «так как некоторые домохозяева, если расположить казенную подать на имущества, останутся почти не в чем...» – и дальше сообщается, что на деле было сделано иначе. Итак, 394 рубля казённых податей следовало, согласно несостоявшемуся варианту, разложить «на имущества» (или, что то же самое, «на занятие»), и значит, остальные 153 руб. остаются на подушевую раскладку.

Писарь спешил и не стал писать то, что было для него очевидно; восстанавливая умолчания, мы занимаемся реконструкцией. Но речь не идёт о предположениях, выдвигаемых с какой-то (хотя бы и высокой) долей уверенности. Речь идёт о том, что выводится из документа несомненно. Так, и только так, надо понимать муринский приговор.

Здесь же полезно обратить более пристальное внимание на глагол «следовало бы», использованный автором приговора при упоминании несостоявшейся раскладки. Отвергнутый вариант подан не как одно из двух равноправных мнений (к тому же проигравшее), а как нечто по определению более правильное, и как будто даже освящённое высшей силой. Так оно и было на самом деле: разнообразные документы, уже введённые в научный оборот¹⁶, указывают на то, что чиновники подталкивали крестьян к переводу раскладок с личных признаков (души, годные работники) на имущественные (скот, пашня и иные источники доходов). Причём именно в годы, связанные с отказом от круговой поруки, чиновники были особенно настойчивы в этом отношении. И в качестве уступки «крестьянской косности» чиновники предлагали смешанную раскладку: казённые

---

¹⁶ Кириллов А. К. От подушной подати к подоходному налогу... С. 155–163.

налоги – по имущественным основаниям, мирские сборы – по людям, то есть, именно тот вариант, который не состоялся в селе Муринском.

Теперь нам остаётся только сравнить отвергнутую разбивку налогов с действительно состоявшейся. «Следовало бы» разложить 394 руб. на имущество, 153 руб. – на души; на деле разложили на имущество 352 руб., а на души – 195 руб. И это значит, что подушная составляющая раскладки, выгодная богатым и убыточная для бедных, в результате «бунта» тех, кто боялся «остаться без штанов», увеличилась. Вопреки первому впечатлению, перемена произошла не в пользу бедных, а в пользу богатых! Мы получаем ещё один пример, иллюстрирующий влияние зажиточных крестьян на сходе.

Впрочем, эти же цифры показывают и ограниченность этого влияния. Весь-то выигрыш богачей составил всего четыре десятка рублей: каких-нибудь семь-восемь процентов распределяемой суммы. Упорным было противостояние, если такое бурное обсуждение, с восклицаниями о грозящем разорении лучших людей деревни, привело к перераспределению лишь малой части суммы! Богатые хотя и добились перемены в свою пользу, но не смогли игнорировать интересы бедных. А если учесть всё-таки сохранившееся преобладание имущественной части раскладки над душевой (352 против 195 руб. – в 1,8 раза!), то можно сказать, что речь идёт лишь о частичном отвоевании того, что было изначально уступлено противной стороне. В описанных выше случаях нам доводилось видеть способы раскладки куда более выгодные для зажиточной группировки. Наверное, многое зависело от соотношения сил богатых и бедных в каждой отдельно взятой деревне. Но наверняка не случайным было и упоминание в муринском приговоре о том, как «следовало бы» сделать раскладку: возможная реакция начальства, на проверку которому поступали все раскладочные приговоры, очевидно, учитывалась муринским сходом.

Подводя итоги, полезно вспомнить о прикладном значении источниковедения. Изучение раскладочных приговоров – необходимо для правильного понимания российского крестьянства. Оно позволяет убедиться в том, что крестьянская община в качестве податного органа ставила во главу угла вовсе не заботу о слабых. В ходе ожесточённой борьбы на сходе зажиточным крестьянам удавалось добиваться раскладки где-то полностью в своих интересах, а где-то – хотя бы с учётом их интересов.

Но с точки зрения перспективы исследований дореволюционной России более важен вывод о раскладочных приговорах как таковых. Вопреки их массовой сущности, неизбежное в случае с раскладкой налогов «извержение вулкана» крестьянских чувств создало нам возможность регулярно (хотя и не часто) обнаруживать в раскладочных приговорах «куски застывшей лавы», открывающие новые возможности для изучения общественной жизни российской деревни. Появление таких приговоров наиболее вероятно в периоды перемен – например, в первые годы после отмены

круговой поруки. Дальнейший поиск подобных приговоров для других регионов способен сделать картину борьбы вокруг раскладки крестьянских налогов более разнообразной, и значит, более правильной; получить то количество, которое создаёт основу для перехода в новое качество.

РЕЗЮМЕ

Статья нацелена на то, чтобы изменить отношение исследователей дореволюционной России к решениям («приговорам») крестьянских сходов, которые считаются малоинформативным источником. Автор доказывает возможность их использования как источника раритетных сведений о борьбе крестьян на сельском сходе. Та разновидность приговоров, которая использована автором, связана с распределением налогов между отдельными крестьянами («раскладочные приговоры»). Работа опирается на коллекцию государственного архива Томской области – одного из крупнейших сибирских центров хранения дореволюционных документов. Среди полутора тысяч обнаруженных здесь раскладочных приговоров автор нашёл четыре редких документа, содержащих прямых указания на открытое противостояние, имевшее место на сходе. Рассматривая предложения проигравшего меньшинства, автор доказывает, что суть этих противостояний во всех случаях – борьба между богатыми и бедными за более выгодные для каждой из сторон основания раскладки. Особое внимание уделяется приговору селения Мурино: он отличается яркой риторикой, маскирующей истинный результат произошедшего на сходе столкновения. Ставя этот документ в контекст других раскладочных приговоров, автор раскрывает смысл тех понятий, которые не объяснил писарь, и реконструирует недосказанное. Наконец, автор сопоставляет удельный вес каждого из оснований раскладки (выгодного бедным и выгодного богатым) согласно схеме, предлагавшейся изначально, и согласно закреплённой в приговоре. Вывод автора: результатом борьбы на сходе стала уступка со стороны бедных в пользу богатых. Раскладочные приговоры, позволяющие проводить подобный анализ, редки, но сведения, содержащиеся в них, вознаграждают усилия, затраченные на их поиск.

SUMMARY

The article aims to change the attitude of researchers of the Late Imperial Russia to the resolutions (“*prigovory*”) of local peasant assemblies, which are considered an uninformative source. The author proves the possibility of using them as a source of rare information about the struggle of peasants at a village assembly. The particular type of resolutions used by the author originated from the repartition of taxes between individual peasants by the peasant commune (“*raskladochnye prigovory*” = repartitional resolutions). The work is based on the documents from the state archive of the Tomsk region – one of the largest

Siberian centers for storing pre-revolutionary documents. Among the one and a half thousand repartitional resolutions discovered here, the author found four rare documents containing direct evidence of the open confrontation that took place at the assembly. Considering the proposals of the minority that lost the scramble, the author proves that the essence of these confrontations in all cases was the struggle between the rich and the poor for adapting the grounds of tax repartition most favorable for each of the parties. Particular attention is paid to the resolution of the village of Murinskoye: it is distinguished by bright rhetoric, that disguises the true result of the dispute that took place at the assembly. By placing this document in the context of other repartitional resolutions, the author reveals the meaning of those terms that the village clerk did not explain and reconstructs what was left unsaid. Finally, the author compares the shares of each of the repartition grounds (the one favorable to the poor and the one favorable to the rich) according to the scheme initially proposed and according to that fixed in the resolution. The conclusion says that the result of the struggle at the assembly was a concession by the poor in favor of the rich. Repartitional resolutions that allow such an analysis are rare, but the information contained in them rewards the efforts spent on finding them.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Дореволюционная Россия, экономическая история, история налогов, массовые исторические источники, крестьянское самоуправление, сельский сход, раскладка налогов, крестьянский приговор.

KEYWORDS

Late Imperial Russia, economic history, tax history, primary sources, peasant studies, peasant self-government, tax apportionment, peasant assembly resolution.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алексейченко Г. А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины второй половины XIX века (По материалам Тверской губернии): Автореф. дис. ... к.и.н. (07.00.00). М., 1985 [*Aleksejchenko G. A.* Prigovory sel'skikh shodov kak istochnik po istorii krest'janskoj obshhiny vtoroj poloviny XIX veka (Po materialam Tverskoj gubernii) [Village meeting resolutions as a source for the history of the peasant commune of the second half of the 19th century (Based on materials from the Tver region)]: Avtoref. dis. ... k.i.n. (07.00.00). М., 1985].

Алексейченко Г. А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины второй половины XIX века (По материалам Тверской губернии): Автореф. дис. ... к.и.н. (07.00.09). М., 1988. [*Aleksejchenko G. A.* Prigovory sel'skikh shodov kak istochnik po istorii krest'janskoj obshhiny vtoroj poloviny XIX veka

(Po materialam Tverskoj gubernii) [Village meeting resolutions as a source for the history of the peasant commune of the second half of the 19th century (Based on materials from the Tver region)]: Avtoref. dis. ... k.i.n. (07.00.09). М., 1988].

Алексеиченко Г. А. Приговоры сельских сходов как источник по истории крестьянской общины России второй половины XIX в.: по материалам Тверской губернии // История СССР, 1981. № 6. С. 116–125 [*Aleksejchenko G. A.* Prigovory sel'skih shodov kak istochnik po istorii krest'janskoj obshhiny Rossii vtoroj poloviny XIX v.: po materialam Tverskoj gubernii [Village meeting resolutions as a source for the history of the peasant commune of the second half of the 19th century (Based on materials from the Tver region)] // Istorija SSSR, 1981. № 6. Pp. 116–125].

Громыко М. М. Территориальная община Сибири (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1977. С. 33–103 [*Gromyko M. M.* Territorial'naja obshhina Sibiri (30-e gg. XVIII v. – 60-e gg. XIX v.) [Territorial Commune in Siberia (1730s – 1860s)] // Krest'janskaja obshhina v Sibiri XVII – nachala XX v. Novosibirsk: Nauka, 1977. Pp. 33–103].

Документальные задачи по российской истории / Авторы-составители: *Демидова Л. Д., Кириллов А. К.* Новосибирск: Параллель, 2015. 194 с. URL: <https://zadachi.al-kir.ru/task22.html> (дата доступа: 15.07.2025) [Dokumental'nye zadachi po rossijskoj istorii [Documentary Problems in Russian History] / Avtory-sostaviteli: *Demidova L. D., Kirillov A. K.* Novosibirsk: Parallel', 2015. 194 p. URL: <https://zadachi.al-kir.ru/task22.html> (access date: 15.07.2025)].

Иванов А. А. Аграрная революция в России в документах сельского схода (проблемы археографии) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXIX. 2005. С. 471–502 [*Ivanov A. A.* Agrarnaya revolyuciya v Rossii v dokumentah sel'skogo skhoda (problemy arheografii) [Agrarian revolution in Russia in the documents of village assemblies (archaeography issues)] // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Vol. XXIX. 2005. P. 471–502].

Кириллов А. К. От подушной подати к подоходному налогу: податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Параллель, 2017 [*Kirillov A. K.* Ot podushnoj podati k podohodnomu nalogu: podatnye reformy kapitalisticheskoy Rossii i ih voploshhenie v Zapadnoj Sibiri vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. [From poll tax to income tax: tax reforms of Capitalist Russia and their implementation in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries] Novosibirsk: Parallel', 2017].

Котович Л. В. Приговоры сельских сходов как источник изучения сельских обществ Сибири периода капитализма // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1989. С. 80–91 [*Kotovich L. V.* Prigovory sel'skih shodov kak istochnik izuchenija sel'skih obshhestv Sibiri perioda kapitalizma [Village meeting resolutions as a source for studying peasant communes of Siberia during the period of capitalism] // Istochniki po istorii osvoenija Sibiri v period kapitalizma. Novosibirsk, 1989. P. 80–91].

Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М.: Наука, 1979 [*Litvak B. G.* Ocherki istochnikovedenija massovoj dokumentacii XIX – nachala XX v. [Essays on source studies of mass documentation of the 19th – early 20th centuries.]. М.: Nauka, 1979].

Марискин О. И. Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX в. (по материалам Среднего Поволжья).

Саранск: изд-во Мордовского ун-та, 2004 [*Mariskin O. I. Gosudarevo t'jaglo: nalogo-oblozhenie krest'janstva Rossii vo vtoroj polovine XIX – pervoj treti XX v. (po materialam Srednego Povolzh'ja)*] [The sovereign's tax: taxation of the peasantry of Russia in the second half of the 19th – first third of the 20th century (based on materials from the Middle Volga region)]. Saransk: izd-vo Mordovskogo un-ta, 2004].

Миненко Н. А. Массовая документация крестьянских общин как исторический источник (по материалам Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.) // Массовые источники по истории Сибири: Бахрушинские чтения 1989 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1989. С. 55–67 [*Minenko N. A. Massovaja dokumentacija krest'janskih obshhin kak istoricheskij istochnik (po materialam Zapadnoj Sibiri XVIII – pervoj poloviny XIX v.)*] [Mass documentation of peasant communities as a historical source (based on materials from Western Siberia in the 18th – first half of the 19th century)] // *Massovyje istochniki po istorii Sibiri: Bahrushinskie chtenija 1989 g.: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Novosibirsk: NGU, 1989. Pp. 55–67*].

Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг.: Сб. док. / Авт.-сост.: Л. Т. Сенчакова. М.: Эдиториал УРСС, 2000 [*Prigovory i nakazy krest'jan Central'noj Rossii 1905–1907 gg.: Sb. dok.*] [Peasant resolutions and mandates in Central Russia in 1905–1907: Collection of documents] / Авт.-сост.: Л. Т. Сенчакова. М.: Jeditorial URSS, 2000].